

Къ вопросу о Болоховѣ.

Вопросъ о Болоховѣ и Болоховцахъ въ послѣдніа двадцать лѣтъ не разъ подвергался обсужденію и изслѣдованію среди нашихъ и иноземныхъ ученыхъ и имѣетъ уже значительную литературу. Таковой интересъ объясняется оригинальными особенностями эпизода о Болоховцахъ, которыя на первый взглядъ совершенно выдѣляютъ его изъ обычнаго древнерусскаго политико-общественнаго уклада и дѣлаютъ этотъ эпизодъ чѣмъ-то загадочнымъ. Сопоставленная съ другими извѣстіями лѣтописи о столеновеніяхъ и борьбѣ южнорусскихъ общинъ съ княжеско-дружиннымъ строемъ въ половинѣ XIII в., борьба Болоховцевъ за абсолютную автономію если теряетъ свою загадочность, то приобретаетъ еще болѣе интереса, являясь лишь частью обширнаго, какъ можно заключить, современнаго народнаго движенія, а это послѣднее, въ свою очередь, представляетъ проявленіе того стремленія народной массы къ реформѣ общественнаго строя сообразно своимъ представленіямъ о справедливости, которое, прорываясь въ своей борьбѣ съ противными теченіями чрезъ большіе или меньшіе промежутки времени, составляетъ собственно основное направленіе, жизненный нервъ южнорусской исторіи.

При такомъ значеніи Болоховскаго эпизода, всякая, хотя бы даже незначительная, внѣшняя подробность о немъ, по моему убѣжденію, не должна остаться безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что здѣсь, несмотря на тщательныя изслѣдованія, еще много остается неяснаго, и, на примѣръ, вопросъ, имѣющій отношеніе къ Болоховцамъ, снова фигурируетъ въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ предстоящему (IX-му) археологическому съѣзду въ Вильнѣ, какъ фигурировалъ двадцать лѣтъ назадъ въ

программѣ Кіевскаго археологическаго съѣзда. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ общественномъ движеніи XIII в. вообще и о Болоховѣ въ частности весьма скудны. Отрывочныя, случайныя упоминанія лѣтописи не только не даютъ возможности представить сколько-нибудь полную, обстоятельную картину политической и общественной жизни Болохова, но и фиксировать географически его можно лишь съ трудомъ, такъ что нѣкогда изслѣдователи въ приуроченіи Болоховскихъ городовъ колебались между берегами южнаго и западнаго Буга, да и доселѣ опредѣленіе Болоховской территоріи, какъ мнѣ кажется, не можетъ считаться еще вполне прочно установленнымъ, вполне рѣшеннымъ. Весьма обстоятельно обоснованное опредѣленіе Болоховской территоріи, принадлежащее проф. Н. П. Дашкевичу ¹⁾, опредѣленіе болѣе чѣмъ вѣроятное и принятое многими, остается, какъ кажется, до сихъ поръ въ положеніи весьма правдоподобной гипотезы, между прочимъ и потому, что свои выводы почтенный ученый первоначально долженъ былъ дѣлать почти исключительно на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, какъ сказано было, не особенно богатыхъ, хотя выводы эти, какъ увидимъ ниже, нашли себѣ затѣмъ рядъ новыхъ подтвержденій.

Въ настоящей своей замѣткѣ я хочу обратить вниманіе на документальное извѣстіе, которое, какъ мнѣ кажется, можетъ пригодиться, въ числѣ другихъ данныхъ, при опредѣленіи Болоховской территоріи.

Въ Литовской метрицѣ Московскаго Архива Министерства Юстиціи я встрѣтилъ документъ, до сихъ поръ, какъ кажется, не опубликованный; я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ указаній на него. Это— „листъ“ королевы Боны, въ вѣдѣніи которой находилось, между прочимъ, Кременецкое староство въ первой половинѣ XVI в. (съ 1536 г.), въ кременецкому старостѣ Петру Семашку, данный въ Варшавѣ въ 1553 г. Рѣчь въ немъ идетъ о селахъ, которыя войтъ Лепесовки Янъ Хотимовичъ за позволеніемъ Сигизмунда Стараго осаживалъ въ Кременецкомъ повѣтѣ за *Гориню на Болоховѣ*. Нѣсколько такихъ сель онъ успѣлъ осадить и продолжалъ осаживать, надѣясь пользоваться въ этихъ селахъ правами войта; но староста изыалъ упомянутыя села

¹⁾ „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“—въ „Трудахъ III-го археол. съѣзда“, т. II-й и отдѣльно; „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ“—Универ. Извѣстія (Кіевскія), 1884, кн. VI, и отдѣльно.

„з моцы и справы его войтовское“ и передалъ своему служебнику Семену. Королева приказываетъ возвратить Хотимовичу „тые вси села на Болоховѣ, которые через него тамъ осажены суть“, и не нарушать его войтовскихъ правъ.

Изъ документа этого видно прежде всего, что имя Болохова въ половинѣ XVI в. носило обширное пространство, запустѣвшее къ тому времени цѣликомъ или отчасти, такъ что на немъ можно было тогда осадить не мало сель.

Что до мѣстонахожденія этого Болохова, то его можно опредѣлить съ извѣстною приблизительностію на основаніи данныхъ самого документа. Прежде всего, принимая во вниманіе, что „листъ“ писанъ въ Варшавѣ и адресованъ въ Кременецъ, мы должны полагать это „за Гориню“ на правомъ берегу ея. Полоса Кременецкаго староства за Горыню, по обводу границъ в. кн. Литовскаго 1546 г., на юго-западѣ проходила нѣсколько южнѣе теперешней границы Кременецкаго уѣзда съ Подольской губерніею, захватывая Черниховъ, Збаражъ и Волочискъ, затѣмъ переходила на верховья р. Бужка, который служилъ границею почти до устья; оттуда граница направлялась параллельно р. Богу, почти по теперешней границѣ Волынской губерніи, до „Чорного шляху“, пролегавшаго по водораздѣлу двѣпровскаго и бужскаго бассейновъ, „и тою Черною дорогою на могилу Гончариху“, которая, какъ видно, должна быть приурочена къ мѣстности у верховья Тетерева, нѣсколько западнѣе отъ него, примѣрно на водораздѣлѣ р. Коранки и Сниводи ¹⁾. Эта же Гончариха служила пограничнымъ пунктомъ Волыни съ Кіевскимъ воеводствомъ. По нѣсколько болѣе позднему описанію границъ Кіевскаго воеводства—1566 г.—Кременецкая граница на востокѣ шла „отъ Гончарихи въ Случь“, и затѣмъ внизъ теченіемъ р. Случи ²⁾. На сѣверъ эта Загорыньская полоса Кременецкаго повѣта простиралась, по переписямъ второй половины XVI в., до Заслава (включительно) ³⁾.

¹⁾ Обводъ границъ 1546 г.—въ Виленскомъ „Археографическомъ сборникѣ“, т. I (с. 111—121), а также въ *Limites regni Poloniae et m. d. Lituaniae* Догеля (1758). Какъ видно изъ позднѣйшаго обвода границъ Кіевскаго воеводства (1754 г.), Гончарихою называлась не только могила, но и окружающая мѣстность (какъ Перепетовы могилы дали имя Перепетову полю)—см. книгу № 4638 Кіевскаго центрального архива, л. 928. Документъ этотъ былъ сообщенъ мнѣ проф. В. Б. Антоновичемъ, которому приношу искреннюю благодарность:

²⁾ Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 365.

³⁾ *Zródła dziejowe*, t. XIX, p. 28, 134, 148.

Такова та полоса „за Горинею“, гдѣ мы должны помѣщать села на Болоховѣ, по смыслу нашего документа. То обстоятельство, что „осаженемъ“ этихъ селъ занимался Лепесовскій войтъ, даетъ возможность ближе опредѣлить ихъ мѣстоположеніе, такъ какъ естественно думать, что новоосаженныя села находились въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ Лепесовскаго войтовства. Лепесовка не разъ упоминается въ люстраціяхъ половины XVI в.; изъ нихъ видно, что она находилась въ сосѣдствѣ Ямполь, Шумбара и Радошовки ¹⁾. Очевидно, это теперешняя Лепешовка, около Ямполь (Волинскаго), на лѣвомъ берегу Горыни. Села, осаженныя на Болоховѣ нашего документа, естественно же всего предполагать непосредственно за Горыню, въ югу отъ Ямполь. Отмѣчу, что въ люстраціи 1545 г., въ этой именно мѣстности указаны новоосѣлыя замковыя села Вороневцы, Осники, Бѣлозерка ²⁾; эти села перечислены и въ люстраціи 1552 г., какъ сидяція на волѣ, и къ нимъ присоединяется еще село Ильвовцы (всѣ существуютъ доселѣ подъ своими именами) ³⁾. Возможно, что эти села или нѣкоторыя изъ нихъ и есть тѣ, осаженныя Лепесовскимъ войтомъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ документѣ, хотя на тождествѣ ихъ я, конечно, не могу настаивать.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, мы можемъ приурочить искомую мѣстность приблизительно къ водораздѣлу верхней Горыни и Случи, въ области р. Жерди, Польвы и др. Повторяю, по смыслу документа Болохово не ограничивалось территоріею этихъ нѣсколькихъ селъ; но въ какомъ направленіи простиралось оно далѣе—на востокъ ли, въ область Хоморы и Икопоты, или въ другія стороны, на это документъ не даетъ никакихъ указаній.

Покончивъ съ самимъ документомъ, естественно спросить, въ правѣ ли мы относить его данныя къ древнему Болохову XII—XIII в.? Известно, что въ послѣдующіе вѣка мы встрѣчаемъ *Болоховцевъ* въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ—въ XVI в. на

¹⁾ Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 126 (grunt kniehini Piney, сосѣдній съ Лепесовкою,—это Ямполь, см. с. 119—120), ср. с. 31 (здѣсь упоминается въ Лепесовкѣ, вмѣстѣ съ путными слугами, *Янъ войтъ*, очевидно—Хотимовичъ) в Zródła dziejowe, VI, p. 103—104.

²⁾ Zródła dziejowe, VI, p. 104.

³⁾ Архивъ Ю.-З. Россіи, VII, II, с. 34.

Подольѣ, въ XVII—въ Киевщинѣ, въ XVIII—въ далекомъ Заднѣ-провьѣ ¹⁾, такъ что это дало поводъ къ предположенію, что имя Болоховцевъ въ то время было какъ бы нарицательнымъ ²⁾. Я не буду входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, замѣчу только, что названія цѣлыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пространствъ, каковымъ въ данномъ случаѣ является Болохово, обладаютъ болѣею устойчивостью, не отличаются такою удобоподвижностью, какъ имена отдѣльныхъ поселковъ. Поэтому, будемъ ли мы связывать позднѣйшихъ Болоховцевъ съ древними, или же нѣтъ, будемъ ли мы считать ихъ потомками древнихъ жителей Болохова ³⁾, или нарицательнымъ именемъ, это не лишитъ насъ права связывать Болохово XVI в. съ Болоховымъ XII и XIII.

Комбинируя лѣтописныя данныя и сопоставляя ихъ съ современною топографическою номенклатурою, проф. Дашевичъ даетъ слѣдующее опредѣленіе старой болоховской территоріи: „она была расположена по верховьямъ Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гнилопята“, при чемъ Межибожь и теченіе Хомора находились уже внѣ Болоховской земли“ ⁴⁾.

Дѣйствительно, соображая лѣтописныя данныя, приходится признать верхнее Побожье (кромѣ самаго верховья) и верхнюю Случь за наиболѣе вѣроятный районъ Болоховскихъ поселеній; на это же пространство приходится и тѣ Болоховскіе города, мѣстоположеніе которыхъ можно опредѣлить съ весьма большою вѣроятностію—Деревичъ, Губинъ и Кудинъ, теперь села—Деревичи на р. Деревичѣ (Новгородволынскаго уѣзда), Губино на Случи (на границѣ Новгородволынскаго и Староконстантиновскаго у.) и Кудинка на Богѣ (Летичевскаго у.) ⁵⁾.

Сравнивая съ этимъ данныя, выведенныя изъ показаній нашего документа, находимъ, что предположенное нами мѣстонахожденіе селъ,

¹⁾ Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. V, т. I, с. 137; VII, т. I, с. 610 и др.

²⁾ „Населеніе Югозападной Россіи до Люблинской уніи“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, с. 59.

³⁾ „Болоховская земля“, 128--129; „Новѣйшіе домысли о Болоховѣ“, с. 14—15 отгиска.

⁴⁾ „Болоховская земля“, с. 87; ср. с. 79.

⁵⁾ „Болоховская земля“, с. 84; „Новѣйшіе домысли“, с. 26—27.

осаженных на Болоховѣ XVI в., находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ территоріею древняго Болохова, какъ она была опредѣлена проф. Н. П. Дашкевичемъ, именно—у верховьевъ Случи и Божка, при чемъ самое „Болохово“ могло простираться и далѣе на востокъ. Такимъ образомъ, нашъ документъ подвигаетъ районъ Болохова нѣсколько на западъ. Конечно, съ теченіемъ времени Болоховская территорія могла сокращаться и расширяться, и въ древности граница ея могла проходить восточнѣе, по верховьямъ Случи и Бога. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе Болоховской территоріи проф. Дашкевича находитъ себѣ подтвержденіе въ нашемъ документѣ. Это обстоятельство имѣетъ немалое значеніе: первоначально опредѣленіе это, какъ было указано, дано было почти исключительно на основаніи лишь сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ съ современными топографическими названіями; позже присоединились къ этому археологическія данныя, въ видѣ древнихъ городищъ около Болоховскихъ городовъ Деревича, Губина и Кудина ¹⁾. Затѣмъ являются новыя подтвержденія въ видѣ документальныхъ свидѣтельствъ: такова грамота Ягайла 1395 г., подтверждающая существованіе Божска въ области Бога ²⁾; таковъ настоящій „листъ“ королевы Боны. Все это, по моему мнѣнію, сильно говоритъ въ пользу упомянутаго опредѣленія болоховской территоріи.

Свидѣтельствомъ нашего документа подтверждается также высказанное раньше проф. Дашкевичемъ мнѣніе, что Болохово XII и XIII в.в. обозначаетъ не отдѣльное поселеніе, а цѣлую территорію, цѣлую землю ³⁾.

Въ дополненіе къ сказанному присоединю встать еще одну маленькую подробность о Болоховскомъ городѣ Кудинѣ, встрѣченную мною въ той же Литовской метрицѣ, только въ коронномъ ея отдѣлѣ: въ книгѣ ревизіи документовъ воеводства Подольскаго и Бельзскаго приведена грамота Станислава Лянскоронскаго, старосты Подольскаго, нѣкоему Ивану Величку Волицу, 1510 г., на „locum desertum Kudzincze, qui multis ab annis desertus est, circum fluvium dictum

¹⁾ „Новѣйшіе домыслы“, с. 26; ср. „Болоховская з.“, с. 84.

²⁾ Грамота эта издана въ Codex epistolaris Witoldi (р. 39) и въ Archivum ks. Sanguiszków t. I (р. 19); ср. „Новѣйшіе домыслы“, с. 29.

³⁾ „Новѣйшіе домыслы“, с. 20.

Вон⁴ 1). Такимъ образомъ, поселеніе этого имени существовало здѣсь еще въ XV в.—новое данное въ пользу тождества его съ древнимъ Кудинимъ.

М. Брушевскій.

1) Переписи, В. кн. № 17, ф. 55. Этотъ документъ я встрѣтилъ затѣмъ и въ коронной метрицѣ Варшавскаго Главнаго Архива кн. № 28 ф. 91.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VII, отд. II.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Листъ, писанный до старосты кремянецкого пана Петра Семашка войту лепесовскому Яну Хотимовскому на войтовство в селахъ тыхъ, которые онъ осадилъ на Болохове, за Горинею, до воли господарьской.

Бона, Божою милостью, королева полска, навышпа княгня литовска, руска, пруска, жомойтска, мазовецька и иныхъ.

Старосте нашему кремянецькому пану Петру Михайловичу Семашку, а в небытности его самого в томъ замьку напомъ Кремянецькомъ—ино тому, хто на тотъ часъ отъ него тотъ замокъ нашъ заведати будетъ. Жаловалъ намъ тыхъ часовъ войтъ нашъ тамошний лепесовьскій Янъ Хотимовскій о томъ, штожь дей онъ, за розказанемъ короля его милости и святое памяти пана а малжопька нашего, тамъ в повете напомъ Кремянецькомъ, за Горинею, на Болохове, осадилъ некоторые певные села и теперь дей еще осаживаетъ, за которые дей працы свои, которыи поднялъ, тые села осаживаючи, в тыхъ же тамъ селахъ, чрезъ него осажонныхъ, войтомъ быти сподевалъ, якожь дей оные села в заведанью своемъ за перьвыхъ старостъ нашихъ тамошнихъ кремянецькихъ и за тебе ажъ и до сихъ часовъ мель. То пакъ дей ты, нетъ ведома, для которое причины, на него ся звазнивъши, з моцы и справы его войтовское тые села вынялъ и тую владность его, которую онъ надъ тыми селы мель, отъ него отънявши, служебьнику еси своему Семену поручилъ, в чомъ себе онъ отъ тебе шкodu и кривду великую быти менуетъ; и билъ намъ чоломъ, ижь быхмо ему в томъ до тебе листъ нашъ дати казали. Што естли бы такъ было, тогда быхмо того не ради слышали, ижъ бы еси то безъ воли наше чиняти мель, и приказуемъ

тобе, хотячи то мети, и жъ бы еси ему тые вси села на Болохове, которые через него тамъ осажены суть, опять в справу его подалъ и ему над ними тое владности войтовское, которую онъ за иншихъ старость нашихъ тамошнихъ и за тебе самого ажъ до сихъ часовъ мель, и теперь мети не заборонялъ, а тому служебнику своему Семену в томъ ему некоторое переказы чинити не казалъ и не допускалъ, до воли и ласки наше господарьской.

Писан в Варшаве, лета Божого нароженя 1553, мѣсяца мая 11 день.

Явъ Маковецкий, писаръ.

Метрика литовская, записи А, кн. № 33, л. 134 об.
